

ЕВГЕНИЙ ЮНГА

ТОЛЬКО ОДИН ДЕНЬ

НА ПОДСТУПАХ К СЕВАСТОПОЛЮ, АПРЕЛЬ 1944 г. *

25 апреля. ...Подвожу итоги очередного дня, выбрав его для характеристики боевых действий черноморцев на подступах к Севастополю. Ибо почти ежедневно, с момента когда армии 4 Украинского фронта стремительным броском через сивашские дефиле начали разгром фашистских войск в Крыму, в сводках Совинформбюро упоминаются морские летчики Героя Советского Союза подполковника Корзунова и моряки торпедных катеров капитана 2 ранга Проценко. И те и другие отличились в ожесточенных боях за Керченский плацдарм. Теперь они взаимодействуют на коммуникации между Севастополем и Констанцей.

Первую половину дня провел возле Скадовска, вторую — у мыса Тарханкут, опять возвратясь от летчиков к морякам. Вернулся, услышав оброненное вроде между прочим, но с явной досадой замечание командира авиадивизии. Оно и сыграло решающую роль в событиях минувшего дня на морских подступах к Севастополю. Впрочем, не буду забегать вперед. Переношу по порядку в дневник записи на полях газет, на крышке папиросной коробки, на обороте листовок и пр. Дополняю деталями, которые с удивительной легкостью выталкивает память на поверхность перед моими глазами в тусклом свете лампочки над столиком крохотной каюты трофейной БДБ **...

...День Черноморского флота в битве за освобождение Севастополя от фашистов начинается в дивизии Корзунова. Ночная мгла еще кучится на западе, еще стелется туманная дымка над морем трав плешивого островка степного аэродрома, где перелетными птицами чутко отдыхают серые пикировщики и расцвеченные пестрыми ободками истребители. Терпкий запах бензина растворяется в густом аромате весенней южной степи, граничащей с морем. Небо над степью бледнеет, заревые сполохи расплываются вдоль горизонта. На фоне их резко очерчен силуэт самолета-разведчика возле взлетной дорожки. Плоскими тенями сплывают около него неутомимые техники.

Волоча за собой облако пыли, разведчик выруливает на дорожку и после тяжелого разбега, неожиданно легко набрав высоту, с гулом проносится над аэродромом.

Звук моторов заменяет сигнал побудки. Отовсюду — из палатки командного пункта, раскинутой среди степи, из кабин пикировщиков — одновременно выбираются десятки людей. Они долго смотрят еще досыпающими глазами вслед самолету, уходящему в далекую высь, к морю.

* Е. С. Юнга (Михейкин) провел годы Великой Отечественной войны на разных фронтах, флотах и флотилиях в качестве специального корреспондента газет «Известия» и «Красный флот». Закончил войну в звании капитана 3 ранга.

** БДБ — быстроходная десантная баржа.

- Григоров....
- Да, на разведку...
- Денек нормальный...
- Дымки не будет — фашисты не спрячутся...
- Словом, готовьтесь...

Обмен репликами закончен. Экипажи пикировщиков приводят себя в порядок и собираются у палатки, там, где снаружи прищиплены к дышащей стенке — бюллетень с оперативной сводкой о положении на фронтах за истекшие сутки и плакаты с портретами летчиков, отличившихся в предыдущие дни. Под фотографиями текст, лаконичный, как сводки:

«Экипажи Бородина и Тарарина потопили транспорт противника водоизмещением до двух тысяч тонн»;

«Экипаж кавалера ордена Александра Невского капитана Казаковского (штурман Заболотский, радист Позднов) снайперским ударом потопил транспорт противника водоизмещением в пять тысяч тонн»;

«Экипаж летчика лейтенанта Иванова (штурман младший лейтенант Вершинин, стрелок-радист старший сержант Антонюк) бомбоударом с пикирования прямым попаданием потопил транспорт противника в пять тысяч тонн»;

«Следуйте их примеру! Беспощадно уничтожайте захватчиков! Не давайте гитлеровцам удирать из Крыма! Всех фашистов на дно!»

Молодой широколицый пилот, подходя к группе у палатки, задорно говорит:

— Лейтенант Иванов, следуйте примеру лейтенанта Иванова!

В нем без труда можно узнать оригинал одной из фотографий с последнего плаката.

И поясняет:

— Пора обновлять. Сегодня, как и вчера, мои «подшефные» уже ползут на randevu. Если за радиус не успеют уползти, — накрою!

— Уверен, Петро? — подзуживают в группе.

— Кто ищет, тот всегда найдет, — нараспев произносит Иванов.

— А ищет-то Григоров, — уточняет один из пилотов. — Так что, покурим, подождем данных.

Однако времени для курения уже нет.

Летчики разом встают с круглых ящиков бомбовой тары, едва из палатки командного пункта выходит, держа радиограмму, командир эскадрильи Тарарин.

— Ко мне! — громко подзывает он, перечисляя экипажи, назначенные в полет, и когда те выстраиваются перед ним, объясняет задачу: — Григоров обнаружил два каравана. Первый направляется из Констанцы в Севастополь. Состав — два транспорта по три тысячи тонн, один в тысячу тонн. Охранение — тральщик и сторожевой катер. Второй караван — транспорт примерно в пять тысяч тонн и конвой. Следует из Севастополя к берегам Румынии. Ведущий — я. Заходим по одному. Наше охранение — шесть истребителей. Есть вопросы?

— Есть! — вскидывается Иванов. — Сначала заходим на тот, который везет гитлеровцев из Крыма, или на порожняк?

— На тот, — коротко отвечает Тарарин. — Заходишь последним, понятно?

— Ясно, — удовлетворенно откликается Иванов. — Накрою.

— Прилетим — увидим, — сдержанно заключает командир эскадрильи. — По местам. Запуск — зеленая ракета. Позывной ведущего — Севастополь...

Через несколько минут первая группа пикировщиков, возглавляемая Тарариным и замыкаемая Ивановым, поднимается вслед за истребителями сопровождения в безоблачное апрельское небо.

Е. С. ЮНГА

Рисунок Н. М. Аввакумова (тушь, перо), 1942

Собрание Г. Д. Аввакумовой, Москва

Нам остается ждать.

Для меня ожидание заполнено расспросами экипажа самолета-разведчика (тот вернулся, как только увидел, что Тарарин и его ведомые вышли к цели), для остальных — подготовкой к полету второй группы пикировщиков и радиосвязью.

Подытоживая разговор с Григоровым, командир дивизии завершает его неожиданными словами:

— Разумеется, наше дело — искать, находить и уничтожать фашистов, чем и занимаемся; но почему они ускользают из Севастополя в море, вот вопрос? Ведь блокада, кажется, полная... Где-то нашли-таки лазейку между морскими дозорами... Где? Какую?.. Уходят ведь в ночные часы, а мы обнаруживаем далеко от берегов... Придется намекнуть... Пусть, кому положено, задумается... А пока — вот и наши...

С этими словами, оставив свой вопрос без ответа, он, чуть пригнувшись у входа, выбирается из палатки.

Теплый воздух дрожащими потоками струится над степью, будто сотрясаемый нарастающим гулом.

Лихо снижаются и попарно бегут по дорожке в гнезда капониров истребители прикрытия. Следом за ними грузно заходят на посадку пикировщики. Счет их не изменился. Улетели и возвратились пятеро, а это начало удачи.

Один за другим пилоты спешат к палатке, у которой издали видна знакомая всему флоту высокая фигура командира дивизии — подполковника Ивана Егоровича Корзунова. Ослепительной солнечной точкой сверкает на его кителе золотая звездочка Героя Советского Союза. Они держат курс на нее.

Первым рапортует Тарарин:

— Товарищ командир дивизии, задание выполнено! Караван противника обнаружен в указанном месте. Пикировали с недолетом и перелетом из-за интенсивного противодействия зениток, но бомба, сброшенная Ивановым, легла по борту в непосредственной близости к транспорту.

— Кто фотографировал? — интересуется Корзунов, и, услышав, что съемка произведена всеми, кроме самого Иванова, приказывает немедленно проявить негативы и сделать отпечатки.

Подоспевшие вслед за Тарариным пилоты, соблюдая воинский этикет, поочередно просят у командира дивизии разрешения обратиться к командиру эскадрильи, после чего докладывают о своих действиях и непосредственных наблюдениях.

Тарарин вопросительно смотрит на Корзунова.

Поджав и слегка выпятив губы, командир дивизии размышляет, сопоставляя и обобщая про себя рапорты летчиков, затем предлагает Тарарину:

— Воспроизведите.

Командир эскадрильи носком сапога вычерчивает на пыльной проплешине земли, вытопанной у палатки, план расположения вражеского каравана и атаки пикировщиков. Пилоты дружно помогают командиру, выписывая ногами замысловатые вензеля. Со стороны похоже, что взрослые люди заняты мальчишеской игрой.

Разрешительным жестом Корзунов прекращает их старания:

— Пока отдыхайте...

И обращается к начальнику штаба:

— Надо проверить, что с тем транспортом. Если еще на плаву — добить, если покончено — атаковать второй караван.

...Все, кто возвратился с Тарариным, рассаживаются в излюбленном месте — на бомбовой таре, наблюдают за вылетом второй группы пикировщиков, делятся впечатлениями, которые остались у каждого от момента атаки, но то и дело поглядывают в сторону далекого от палатки домика фотолаборатории, где проявляется пленка аэрофотосъемки. Особенно не терпится Иванову. Выдержка, впрочем, помогает ему справиться с любопытством и даже, как ни в чем не бывало, отвечать на мои расспросы:

— Пишите. Иванов, Петр Федорович, одна тысяча девятьсот двадцать первого года рождения, лейтенант, командир звена. Был под Одессой, дважды дрался за Перекоп — в сорок первом и нынче. Защищал подступы к Севастополю в июне сорок второго, потом сражался на Тамани, у Феодосии, на черноморских коммуникациях, теперь топлю фашистов, удирающих из Крыма. Награды: два ордена Красного Знамени, медали «За оборону Одессы» и «За оборону Севастополя». Кажется, всё... Заметно, что волнуясь? — вдруг спрашивает он и тут же мрачнеет. — А как вы полагаете? Ведь это моя честь, мой долг перед всем нашим народом! Я дал слово, и хочу, чтобы каждый мой бомбовой удар был точным!.. Слышали, что было в Старом Крыму? В городе Старый Крым, где гитлеровцы резали жителей, чтобы не привлечь внимания партизан выстрелами!.. Так вот, когда я вижу караваны, на которых фашистские паразиты мечтают ускользнуть от расправы, каждый раз я вспоминаю о зарезанных ими детях и женщинах Старого Крыма... вспоминаю о Севастополе, где убиты все, кто имел татуировку, все раненные в госпиталях, весь медицинский персонал... Вот что я вспоминаю, когда просыпаюсь, и помню, когда засыпаю... Мне двадцать три года, а живу я сейчас одним, чтобы никакая гадина не уползла, не сумела больше жалить, никого, нигде! Когда мои бомбы попадают в фашистский транспорт или разносят БДБ, я говорю...

— Товарищ Иванов! — раздается за нами.

Лейтенант, замолчав, оборачивается, встает, видит командира дивизии, окруженного штабистами. Корзунов держит веером фотографии — снимки бомбового удара. Три кадра в точности запечатлели результат пикирования Иванова: бомба легла у самого борта вражеского транспорта и, вне сомнения, серьезно повредила последний. Кормовая часть транспорта окутана густым дымом, пенистый след винтов сдвинулся в сторону, — это следствие взрыва, который отбросил транспорт от линии курса.

— Поздравляю...

Командир дивизии пожимает руку лейтенанту и говорит, что вряд ли транспорт продержался на плаву до подхода второй группы пикировщиков, что скорее всего, они уже переключились на другой караван.

— Пять тысяч тонн, — подчеркивает начальник штаба цифру водоизмещения уничтоженного врага. — Хороший почин на сегодня. А вот и дальнейшее...

Со стороны моря доносится согласный гул моторов. Точки, возникшие в дрожащей синеве, быстро приобретают характерные очертания истребителей. В четком строю мчится звено скоростных самолетов. Дробно рассыпается над степью перестук пулеметных очередей — традиционное извещение, что в бою сбиты вражеские самолеты.

— Значит, почин и в воздухе, — сдержанно роняет Корзунов. — Теперь выпускайте третью группу на цель, указанную вторым разведчиком.

Начальник штаба отдает соответствующие распоряжения.

Тем временем, вслед за истребителями, на дорожку садится вторая группа пикировщиков. Повторяется то же самое, что было после посадки эскадрильи Тарарина: командир группы рапортует о выполнении задания и, сообщив, что транспорт, поврежденный Ивановым, исчез без следа, вычерчивает носком сапога на земле план вражеского каравана, перехваченного и атакованного, несмотря на воздушное прикрытие.

Пленка с кадрами бомбового удара сдается в лабораторию, а возвратившиеся только что пилоты рассказывают на солнцепеке возле Тарарина и охотно рассказывают, как сбили один вражеский истребитель и подбили (что не в счет) второй, ушедший с хвостом дыма за пределы видимости.

Все наблюдают за подготовкой к вылету третьей группы. Ей предстоит нанести удар по каравану из двух БДБ, доотказа набитых улепетывающими из Севастополя фашистами, охраняемых конвоем из трех сторожевых катеров.

— Жаль, что не моя очередь, — без всякой рисовки чистосердечно досадует Иванов.

— Твои от тебя не уйдут, — успокаивает Тарарин.

— Не уйдут, — подтверждает Иванов и недоумевающе восклицает: — Поражаюсь! Как это им удается мимо морячков проскальзывать?..

Да, об этом думает не только начальство...

Разговор у палатки обрывается привычными словами команды.

— Запуск — зеленая ракета! — громко оповещает командир третьей группы, обводя взглядом строй экипажей. — Позывной ведущего — Севастополь!..

Летный день корзуновцев в полном разгаре, когда я расстанусь с ними и уйду из Скадовска на торпедном катере лейтенанта Умникова опять в район действий бригады Проценко, чтобы попытаться найти ответ на вопрос, заданный летчиками...

...В конце дня, когда над бухтой проносятся, возвращаясь с последнего задания, самолеты-пикировщики дивизии Корзунова, командир бригады торпедных катеров капитан 2 ранга Проценко шифрограммой приказывает командиру дивизиона Местникову прибыть вместе с одним из отрядов на рейд Караджи. Радиограмма передана в 17.00. Спустя 27 минут штабной

сигнальщик докладывает, что четыре катера находятся у ворот бухты и уже идут прямым курсом к плавучей базе. Полчаса назад они дремотно покачивались возле причала в гавани Ак-Мечети.

Шагнув за угол штабного дома, Проценко направляется на край мыса, к обрыву. Прохладный ветер-низовка дует в лицо, неся навстречу запахи моря.

Крутой мыс Тарханкут, увенчанный небольшим каменным домиком, где разместился штаб бригады, расположен невдалеке от входа в бухту и с незапамятных времен снискал худую славу среди мореплавателей. Район вокруг бухты Караджи у выхода из Каркинитского залива в Черное море издревле носит мрачное название «кладбища кораблей». Здесь чаще, чем где-либо, дует штормовой ветер, нередко достигающий ураганной силы.

С обрыва, на краю которого задержался Проценко, хорошо виден рейд, беспредельное море за ним, рыбачий поселок в углу бухты, высокая белая башенка маяка против мыса. Между мысом и маяком покачивается на зыби неуклюжее, странной конструкции, похожее на гроб без крышки, судно — плоскодонное, с огромными подзорами и мощным вооружением. Это так называемая БДБ (бэдэбэ) — быстроходная десантная баржа, в полной исправности захваченная возле причала в момент освобождения Складовска. Проценко не без умысла выбрал ее под плавучую базу бригады: ибо основная задача катерников в блокаде морских подступов к Севастополю состоит в том, чтобы находить и топить вражеские суда именно этого типа, скорее доступные удару с моря, нежели с воздуха. Они обладают великолепной маневренностью, большой скоростью, способностью совершать разворот на месте, а следовательно предельной неуязвимостью, к тому же имеют до семи огневых точек. Каждая БДБ вмещает до батальона пехоты с полным вооружением... Словом, мысль Проценко о прикреплении плавучего трофея к бригаде понравилась всем катерникам, поскольку БДБ служит не только удобной плавучей базой, где можно отдохнуть между боями и походами, но и превосходным пособием для наглядного изучения. Используя свободное время между сном и выходом в ночную операцию, моряки изучают БДБ, как говорится, от форштевня до ахтерштевня. Обеспечивающие успех боевой операции люди — командиры катеров, боцманы, да и все, кто занят в походе наблюдением, привыкают моментально распознавать БДБ в ночном мраке и учитывать особенности ее противодействия при встрече. Тем не менее все катерники, не исключая и самого командира бригады, не терпят БДБ и называют ее вражьем отродьем. Вид ее напоминает о силуэтах фашистских караванов, которые еженощно крадутся по морю в надежде проскользнуть за пределы радиуса действия советских торпедных катеров...

И теперь Проценко, едва его взгляд падает на плавучую базу, не может удержаться от едкой реплики, такой едкой, что все мы дружно смеемся.

Став на краю обрыва, он ищет взглядом вошедшие катера. Их нет ни у входа в бухту, ни на рейде. Лишь пенистый след, расплываясь, указывает курс, по которому они промчались через рейд к БДБ.

— Как не узнать Местникова, — восхищается, подходя к Проценко, начполитотдела бригады Конюшков. — Метеор! За двадцать семь минут от Ак-Мечети до Караджи...

— За двадцать пять, — поправляет комбриг. — Двадцать семь — это с момента передачи шифровки отсюда. Самое меньшее — две минуты на раскочку... А здорово он под Цезаря написал... Это я насчет его последнего донесения, — объясняет он мне: «Встретил, атаковал, утопил». И — подпись. А кого-чего, так и позабыл доложить.

— На радостях, — оправдывая Местникова, вступается начполитотдела и переводит разговор на другое. — Я к вам, Виктор Трофимыч.

— Закончили? — справляется Проценко раскатистым голосом, вполне соответствующим росту и комплекции его обладателя. — Одну минутку, только нашего Цезаря вызову...

Он принимается усердно семафорить руками. Его высокая плотная фигура отчетливо выделяется на освещенной заходящим солнцем круче.

Не спускающий с нее глаз сигнальщик плавучей базы тотчас передает на подошедшие катера:

— Капитану третьего ранга Местникову, капитан-лейтенанту Константинову, старшему лейтенанту Хабарову — немедленно явиться ко мне...

Обождая, пока сигнальщик просемафорит ответ об исполнении, уже разглядев отвалившую от БДБ шлюпку, Проценко снимает реглан и расстилает его на граве.

— Прошу, — приглашает он Конюшкова и меня. — Да не стесняйтесь, на этот раз третий не лишний, — поощряет он, видя, что я колеблюсь. — Дело такое, что и для печати пригодится.

Он тянет обоих нас за полы кителей к земле и, обращаясь к Конюшкову, коротко спрашивает: — Ну?

— Сделано, разрешите зачитать?..

Начполитотдела достает из кармана густо исписанные листки донесения о боевых действиях бригады торпедных катеров на подступах к Севастополю, начиная с момента перебазирования, которое Проценко назвал как-то в разговоре со мной «диким переходом», но которое справедливее считать одним из удивительных героических эпизодов, украшающих историю нашего флота. Краткой характеристикой перебазирования и открывается политдонесение, составленное Конюшковым.

Речь идет о днях, предшествовавших взятию Одессы и прорыву наших войск через сивашские дефиле в Крым. Весь полуостров, кроме Керченского плацдарма, еще был под властью врага, когда торпедные катера вышли из Геленджика и других гаваней Северного Кавказа в море, чтобы обогнуть Крым и занять исходную позицию на морских подступах к нему с запада. В штормовое ненастье, при волне, когда торпедным катерам вообще положено отставывать у причалов базы, в тумане, когда скорость кораблей должна быть минимальной, если нельзя, опять-таки, вообще перекладывать на якорь в безопасном месте до улучшения погоды, бригада Проценко в несколько раз перекрыла нормы, установленные для непрерывного плавания торпедных катеров. Обогнув Крым, катера в кратчайший срок достигли новой базы — Скадовска, откуда им предстояло принять участие в блокаде морских подступов к Севастополю.

Политдонесение составлено лаконично, как сводки, посылаемые Проценко в штаб флота. О случае с катером лейтенанта Гиршева начполитотдела Конюшков сказал ровно столько, сколько положено говорить об аварии, устранившей силами экипажа:

«Перед вечером, когда корабли первой группы бригады находились в зоне противника, на катере Гиршева лопнул штуртрос и отказало рулевое управление. Вначале предполагалось затопить катер, чтобы случайно не раскрыть противнику тайны перебазирования, но личный состав обязался произвести необходимый ремонт на ходу, не прекращая движения по заданному курсу. На время ремонта взамен лопнувшего штуртроса были приспособлены бросательные концы. На ручное управление стали командир катера и боцман. Вдвоем они вручную управляли рулями одиннадцать часов без смены, а старший лейтенант Хабаров, обеспечивающий переход катера, управлял работой моторов. Штуртрос был отремонтирован, и катер благополучно достиг пункта назначения — Скадовска...»

В таком стиле составлено все политдонесение. В нем без лишних слов изложены факты боевых действий бригады на морских подступах к Сева-

стополу, могущие служить иллюстрациями к оперативным сводкам об успехах моряков Черноморского флота. Почин принадлежит Местникову, который командовал набеговой операцией на порт Ак-Мечеть в ту ночь, когда войска 4 Украинского фронта вплотную подошли к городу и заняли дорогу из Ак-Мечети в Евпаторию. Прижатые к берегу фашисты поспешно перебрались на быстроходные десантные баржи. Две из них, битком набитые гитлеровцами, успели покинуть гавань. Враг был уверен в спасении, тем внезапнее для него оказалась встреча с катерами Местникова на пределе радиуса действия торпедных катеров. Ни судорожное маневрирование, ни бешеное огневое противодействие, ни ночная мгла не спасли удиравших фашистов. Торпеды нашли цель. Головная БДБ разлетелась на сотни озаренных пламенем взрыва обломков. Почин, сделанный Местниковым, стал примером для остальных моряков бригады. В политдонесении кратко упомянуто, что за время последующих походов только экипажи катеров лейтенантов Латашинского и Ксенофонтова, младшего лейтенанта Зинченко, старших лейтенантов Вакулина и Шенгура уничтожили пять быстроходных десантных барж и два сторожевых катера, шедших из Севастополя в Констанцу...

— День за днем — вроде незаметно, а всё вместе дает представление о нашей нацеленности, — заключает командир бригады, как только начполитотдела откладывает, дочитав, последний листок. — Вот если бы не просачивались гады!.. — комментирует он мою информацию о раздумьях и недоумении летчиков-корзуновцев. — Спасибо ребятам, что надоумили, не дали почить на лаврах. Главное — оперативно мыслить. Дело общее, и счет у нас к фашистам общий, а не только у каждого свой... Согласен, отсылайте политдонесение, хотя думаю, что завтра придется приплюсовать, — вдруг громко прибавляет он, заслышав неподалеку шаги. — Когда Местников узнает, да еще о радиোগрамме комфлота, то к самым причалам пролезет, но разрядится по цели...

— Точно! — раздается за спиной Проценко. — Прибыли по вашему вызову, товарищ командир бригады.

В глазах Проценко мелькают и гаснут искорки лукавства. Он подмигивает мне:

— Ну-ка, встали...

Мы разом поднимаемся.

Перед Проценко стоят три моряка в одинаковых, защитного цвета, капковых непромокаемых костюмах. Только возраст отличает прибывших друг от друга, в остальном они под стать командиру бригады и начполитотдела — круглолицые крепыши, люди атлетического сложения, завидного спокойствия, огромной физической силы и выносливости, без чего немислима служба на торпедных катерах. Старшим по званию и обличью сразу можно определить коренастого Местникова, типичного черноморца с многолетним загаром, с проблесками седины на висках, с черными, чуть навывкате глазами, отражающими волю и жизнерадостность. Эти же качества заметны на лицах обоих моряков, пришедших вместе с Местниковым и стоящих рядом с ним навывтяжку перед Проценко. И тот и другой кажутся значительно моложе своего комдива, но та же решимость, похожая на упрямство, характеризует обоих: невозмутимого, на вид даже флегматичного командира отряда Константинова и угловатого юношу Хабаровова с неотцветшим румянцем на пухлых щеках и с голубыми глазами. Не зная его, трудно по внешности даже предположить в нем одного из самых отчаянных героев пштурма Новороссийска и освобождения Тамани.

— Как настроение, товарищи? — спрашивает Проценко, испытующе глядя в глаза Хабарову и не сомневаясь в ответе. Смелость пухлощекоего юноши известна всем катерникам. Хабаров отлично совмещает ее с трезвым, осмысленным риском, почему и числится в составе обеспечивающих,

то есть тех, кто в критическую минуту принимает на себя управление кораблем, инициативу в бою, выбор единственно правильного положения для катера в момент торпедной атаки.

— Нормальное, — спокойно отвечает Хабаров.

— Разрешите узнать? — сиплым, простуженным голосом осведомляется Местников. — Вы, кажется, упоминали о какой-то радиограмме и заодно обо мне...

Командир бригады весело, как и мне перед тем, подмигивает Местникову:

— Ушки на макушке, да, комдив?

Местников усмехается:

— Привычка, товарищ капитан второго ранга. Каждую ночь напролет слушать приходится: не чапают ли где всемирные завоеватели...

— Чапают, — не без насмешки повторяет комбриг жаргонное словцо, жестко поясняя: — И ускользают...

Лица моряков мрачнеют, но Проценко уже справился с подмигивающим раздражением и внезапно объявляет торжественным голосом:

— Так вот, есть радиограмма для нас с вами, Александр Александрович. Комфлота обратился к нам с напоминанием — не давать фашистам покоя, усилить атаки, добиться, чтобы враг не смел высунуться в море, топить до последнего!.. Что скажете?

Пауза почти незаметна.

— Разрешите доложить из района Севастополя, оттуда виднее, — с готовностью произносит Местников.

Константинов и Хабаров одновременно кивают.

Комбриг прищуривается:

— Встретил, атаковал, утопил, так?.. Не возражаю, но условимся: этими тремя словами сообщаете только в том случае, если утопите одну бэдэбэ, а если больше — жду уточнений. Давайте-ка сюда.

Он достает из планшета карту Севастопольской бухты и подходов к ней. Ветер теребит хрустящий лист, выгибает его, как парус.

Положив карту на разостланный реглан и прижав углы ее камешками, Проценко принимается выкладывать сведения, которыми располагает и которые уже известны нам. Неведомо где фашисты имеют потайную лазейку и, пользуясь ею, пробираются из Севастополя в море незаметно для всех, кому поручено держать и обеспечивать блокаду. Доказательство — караваны БДБ и транспортов противника. Их каждый день обнаруживают на рассвете вдали от берегов наши летчики. Курс, по которому следуют караваны, неизменный: из Севастополя в Констанцу. Правда, многие из них, благодаря действиям пикировщиков Корзунова, идут вместо порта назначения на дно Черного моря, но факт остается фактом: в кольце блокады явно не хватает звена или, еще точнее, между звеньями есть щель...

Обступив сидящего на корточках перед картой комбрига, моряки размышляют. Кажется, кольцо замкнуто прочно. Все, что находится вне видимости, тщательно прослушивается. Слух людей настолько обострен, что любой человек из экипажа торпедных катеров, до рассвета подстерегающих врага на коммуникации, безошибочно за три мили распознает шум винтов и звук моторов, несмотря на плеск волн и монотонный напев ветра. И все-таки враг просачивается, как вода сквозь пальцы, должно быть используя то, на что обычно не обращают внимания. Карта района действий ничего не подсказывает. Район досконально изучен, каждая бухточка и расщелина известны еще до войны, а все подступы к Севастополю пересечены линиями курсов торпедных катеров.

— Загадали загадку, — сокрушенно тянет Проценко. — И ответ такой: отгадаешь — утопишь, ошибешься — улизнут.

СОВЕТСКИЕ ВОЙСКА ВСТУ-
Фотография Е. Халдея,
Центральный архив кино-фото-

— Прячутся где-нибудь впритирку под бережком, пока день, — предполагает Константинов. — Как только мы пройдем мимо, они — ход до отсечки и — в море!

— Негде им прятаться, да еще днем, — возражает Местников. — Шлюпку, и ту без труда разглядишь. Самые неподходящие места для отстоя. Другое думаю.

— Другое и я думаю, — иронизирует Проценко. — Ясно, что другое, а вот что?

— А нет ли разрыва между корзуновцами и вами? — нерешительно вставляю я, помня, что последний самолет прошел над бухтой минут двадцать назад, а катера все еще находятся в базе.

Проценко пристально смотрит на меня. Местников одобрительно хмыкает:

— Вот-вот, это и есть другое: не место, а время. За временем прячутся, за временем!

Теперь командир бригады переводит пристальный взгляд на комдива, но молчит, чтобы дать тому высказаться до конца. Местников колеблется.

— Две ночи подряд — вчера и позавчера — мы ждали у самого Севастополя, а фашисты так и не показались, — бормочет он.

— Так-то оно так, — соглашается Проценко, — но Корзунов сообщает, что только сегодня его орлы накрыли два каравана с конвоем. Откуда они взялись, эти караваны?

Тут Местников, к общему изумлению, взбирается на коня самокритики:

— Это верно, товарищ комбриг. Для воина, тем более для командира, первое правило — никогда не считать противника глупее, чем тот есть на самом деле, то есть всегда искать за его демонстративным поведением не только догму самоуверенности, но вдобавок коварство и хитрость.

ПИЛИ В СЕВАСТОПОЛЬ

май 1944 г.

фонодокументов, Красногорск

— Так, так, Александр Александрович,— одобряет Проценко.— Значит...

— Значит, за временем прячутся,— уже категорически досказывает Местников.— Думаю, что действительно так: выбирают промежуток, когда наша авиация уже в пути на свои аэродромы, а корабли еще на подходе к району. Иного не вижу. Уметь выбрать время сейчас для противника — всё!

— Для нас также,— многозначительно уточняет командир бригады, посмотрев на вечеряющее небо.

Местников мгновенно выпрямляется:

— Прошу добро на выход. Времени в обрез, солнышко вот-вот закатится, надо подоспеть в тот район до темноты, чтобы разгадать загадку.

— Добро,— разрешает Проценко.— Выходите пока четверкой. И помните наказ адмирала.

— Виктор Трофимович... — просяще напоминаю я.

Он отмахивается:

— Сегодня нет. Сами слышали — поиск экспериментальный... В другой раз.

— Тогда разрешите проводить товарищей?

— Проводить? Пожалуйста. Только не вздумайте схитрить... Александр Александрович, спрошу с тебя. Сегодня — никого!

— Ясно, товарищ комбриг.— Местников сочувственно ухмыляется мне и ведет за собой, на ходу намечая план действий: — Сегодня пущу разрядиться Умникова. У него в графе «за Севастополь» еще прочерк...

Проценко провожает нас до тропинки, выходящей по склону к мосткам рыбацкой пристани, где болтается на зыби шлюпка с гребцом-боцманом и, козырнув, поворачивает обратно. Мы снова видим его, когда шлюпка выбирается из-под обрыва на рейд. Высокая фигура комбрига, неподвижная,

как статуя, венчает в шину Тарханкутского мыса. За ней, сбоку штабного домика, чернеет осов здание школы, похожего на старинный замок. Гитлеровцы не успели взорвать его, как не успели взорвать строения рыболовецкого колхоза и поселка — далеком углу бухты Караджи, но сожгли все, что было доступно пламени. Обугленные стены школы и каменных амбаров темнеют попеременно с фашистскими блиндажами, траншеями, ходами сообщения, вырытыми на откосах крутого берега по обе стороны мыса.

Берег, окаймленный чертой прибоя, отступает назад с каждым нажимом весел; все ближе придвигается, нависая над шлюпкой, корпус плавучей базы.

Десятки голов в бескозырках и клеенчатых шлемах высовываются из всех люков, едва над плавбазой и катерами звучит сильный голос Местникова:

— Подгребем к Умникову!

Быстрым взглядом комдив обводит катера, ошвартованные лагом один к другому, взбирается по мокрому от зыби, скользкому борту на узкую палубу и говорит доставившему меня из Скадовска низкорослому, широкоплечему, чуть постарше Хабарова, лейтенанту, встречающему нас:

— Умников! Кликните Латашинского и Гиршева. А где Головачев?

— Где мне еще быть, как не здесь, — отзывается, поднимаясь над люком рубки, пожилой моряк с добродушной улыбкой на морщинистом лице дядьки-пестуна — заместитель комдива по политчасти. — Вот, толкую с ребятами... А что, уходим?

— Да, как только объясню задачу.

— С нами? — оживает Головачев, завидев меня.

— С превеликой охотой, но...

Местников мотает головой:

— Нет! Комбриг запретил. Если бы не просились у него, взял бы на свой риск, а сейчас — полный запрет. Ничего, не расстраивайтесь — это не уйдет. Приезжайте завтра в Евпаторию, там я — кум королю. Оттуда и сходите в поиск. Договорились?

Соглашаюсь, ибо делать нечего.

Один за другим подходят командиры катеров.

Местников коротко передает им о разговоре с Проценко, радиогамме командующего флотом и своих выводах.

— Прошу запомнить места и обязанности в сегодняшнем походе, — раздельно, словно диктуя, говорит он. — Идем строем уступа. Главным — Умников. Пора ему внести свой вклад в общий счет и свой счет у Севастополя открыть. Я иду с Умниковым. Справа — Гиршев с обеспечивающим Хабаровым и моим заместителем. Слева — Константинов, за ним Латашинский. Первым атакует Умников, а Хабаров с Гиршевым прикрывают его и отвлекают на себя внимание противника. Так поступает и Константинов, когда пойдет в атаку Латашинский. Ясна задача?

Командиры подтверждают.

— Стало быть, не дожидаясь ночи, следуем на определенную цель? — еще не уяснив до конца, интересуется Головачев.

— Определенная цель у нас, Василий Михайлович, всегда та же самая — фашисты, — назидательно растолковывает Местников. — Они ловчат, а нам надо переловчить их. Для этого требуется уметь выбрать время, вот ключ от их ловкости.

Он стучит пальцем по стеклу ручных часов:

— Если до сумерек успеем прийти в район поиска, в самый раз угадаем на randevu. По местам! Заводитесь!

Мы прощаемся.

— До встречи в Евпатории, завтра, — приглашающе напоминает мне Местников.

Перехожу на палубу одного из остающихся катеров, оборачиваюсь. Комдив, уже в непромокаемом племе вместо фуражки, ныряет в люк боевой рубки и через несколько мгновений занимает место между Умниковым, стоящим у штурвала, и боцманом Самсоновым, который примостился за пушкой средней турели*.

Дружно ревут моторы. Умников выжидательно глядит на комдива. Тот разрешающе машет рукой.

Головной катер пятится в сторону от плавучей базы, круто разворачивается и, распустив усы бурунов, мчится к воротам бухты. За ним стремительно начинают разбег остальные катера. Четыре смерча из пены и брызг проносятся мимо обрыва, на краю которого все так же неподвижно высится командир бригады, похожий на памятник, и, восхищая красотой маневра «поворот все вдруг», огибают косу с маяком на ней.

Вскоре они сливаются с гребнями зыби в черноморских просторах, а я возвращаюсь на берег, в штабной домик, где Проценко и Конюшков еще раз корректируют политдонесение.

— Хотели словчить? — встречает меня вопросом комбриг.

Протестующе объясняю, что мне нужна была сцена отплытия со стороны, и что я нашел ее с характерными деталями ухода в поиск:

— На подступах к основному, понимаете, Виктор Трофимович?

Проценко улыбается:

— Вроде понял. Как мы на подступах к Севастополю, так вы на подступах к теме?.. Ничего, наверстаете, всё на пользу, даже то, что не всё сразу. Дождемся, что наш Цезарь сообщит, тогда прояснится...

Ждем пока не темнеет, но в общем недолго.

Ровно через час после ухода группы Местникова штабной радист вручает комбригу шифровку, вернее, открытый текст из трех условных слов: «Встретил, атаковал, утопил».

Прочитав ее вслух, Проценко накрывает широкой ладонью листок с шифровкой:

— Ясно! Теперь фашисты не улизнут.

Конюшков вдруг спрашивает:

— Помните, как пели рыбаčki в Ак-Мечети, когда мы с вами выясняли у них о наших ребятах с игошинского катера?

Командир бригады кивает, затем произносит речитативом, с яростным спокойствием:

... Не будут враги в Севастополе жить, —

Он станет им только могилой!..

И с непередаваемым выражением торжества повторяет:

— Ясно!..

— Для вас — да, для других еще не совсем, — намекаю ему и просяще гляжу на Конюшкова.

Оба смеются.

— Ладно, — разрешает Проценко. — Можете сходить в поиск. Не возражаю...

Словом, допишу в Евпатории.

Из записки за 27 апреля. —...Личные переживания — для рассказа в семейном кругу. А сейчас совмещу их, ради единственной целесообразности, с подробностями первого поиска в неурочное время, дополняющими события позавчерашнего дня.

...Белая башенка Тарханкутского маяка долго виднеется позади катеров на фоне позолоченного заходящим солнцем моря. Она исчезает за

* Турель — вращающееся устройство, на котором установлены пулеметы и орудия.

горизонтом только в тот момент, когда катера находятся уже в районе Севастополя.

День еще не померк, но плоские берега, ведущие к Северной стороне, быстро сливаются с темнеющей морской далью. Море пустынно от края до края.

— Что касается нас, — бурчит Местников, — то главное — не только уметь выбрать время, но и набраться терпения...

Сопровождая эти слова жестом, предназначенным командиру головного катера и означающим — «стоп моторы», он приказывает, едва гул движения сменяется тишиной:

— Осмотреться!..

Теперь, когда моторы умолкли, вдалеке слышатся, будто модулирующее эхо грозы, тяжелые громовые раскаты бомбовых взрывов и орудийной канонады: это ни на минуту не затихает битва на подступах к Севастополю.

Катера плавно покачиваются на волнах. Миг равновесия между днем и ночью миновал. Сумерки начинают сгущаться. Длинные полосы вечерних теней дорожками расстилаются по морю. Ветер свежее, крепчает, неся прохладу и брызги, от которых негде укрыться. Линия горизонта расплывается перед напряженным взглядом. Гребни зыби, ломающие ее, напоминают силуэты кораблей...

Местников трет глаза кулаком, опять всматривается, и тут же слышит тихую скороговорку боцмана:

— Гробы ползут, товарищ комдив! Две бэдэбэ на выходе из бухты по нашему курсу. Охранение справа. Два эска вижу ближе к нам, а может есть и другие... Смотрите по моей руке...

Он ведет пальцем вдоль горизонта и несколько раз подчеркивает место, где обнаружил врага.

Зрение не обмануло боцмана. То, что командир дивизиона вначале принял за гребни, не исчезает, но перемещается по горизонтали. Среди гребней быстро ползут два силуэта, похожие на нижнюю половину гроба — отличительный признак БДБ. Они за пределами слышимости, ибо ничье ухо еще не способно уловить звук их моторов. Впрочем, теперь это не имеет значения.

— Понятно, командир? — спрашивает Местников. — Помнишь, о чем говорили? Сообразительность, расчет, внезапность — гарантия успеха атаки...

Перехватив напряженный взгляд Умникова, он показывает на вражеский караван:

— Действуй! В случае чего — поправлю. Курс на головную бэдэбэ. На подходе увидим и уточним.

Умников нагибается к старшине группы мотористов, ожидающему возле рукояток управления моторами:

— Газ до полного!

И впирается пальцами в обод штурвала.

Головной катер будто прыгает по ступенькам, пока мотористы переключают его движение с одной скорости на другую. Затем рывки сменяются ровной стремительностью полета на предельной скорости. Звонкий шум истолченной в пену воды, крутящейся вихрем возле форштевня, свист брызг, несущихся сплошным потоком вдоль бортов, приглушенный рев моторов, частые удары днища о гребни сливаются в один звук яростного движения к цели, которое одинаково хорошо знакомо летчикам-пикировщикам и морякам торпедных катеров.

Темная ночь уже опустилась на море, но взгляд Местникова отчетливо различает белые комки пены вокруг соседних катеров, мчащихся, как приказал комдив еще перед уходом из Караджи, строем уступа, и вырастающие на горизонте силуэты вражеского каравана. Да, боцман Самсонов

«СУРОВЫЕ ДНИ»

Рисунок П. И. Баранова (тушь), 1951

Из серии «Героический Севастополь». По зарисовкам 1944 г.

Третьяковская галерея (фототека), Москва

не ошибся. Караван состоит из двух БДБ и четырех СК — сторожевых катеров, охраняющих конвоируемые суда по двое с борта. БДБ низко сидят в воде, доотказа нагруженные фашистами и награбленным добром, увозимым из Севастополя...

Местников выбирается из среднего люка и кричит в ухо Умникову:

— Жми, командир! Жми на головную! Пока спохватятся — схарчим!

Поглощенный атакой, захваченный стремительностью движения, чувствуя себя неотъемлемой частицей порыва, влекущего катер наперерез врагу, Умников отрывисто бросает в ответ:

— Веду на кратчайшую дистанцию, иначе боюсь промазать!..

Ответ успокаивает комдива. Теперь Местников не сомневается, что молодой лейтенант сумеет взять точный прицел и разрядиться наверняка. В словах Умникова комдиву слышится многое, но прежде всего нежелание израсходовать торпеду впустую, характерное для настоящего бойца, дорожащего каждым выстрелом, и особенно важное для тех, кто при встрече с противником располагает ограниченным количеством боеприпасов...

Катер уже проник за черту охранения. Прямо перед ним черным гробом колышется на зыби силуэт головной БДБ. Правее ее едва проступает над поверхностью моря ближайший корабль конвоя. В стороне от него смутно виднеется бурун катера Гиршева...

Стиснув обеими руками штурвал, отсчитывая секунды, Умников ждет, когда верхняя надстройка БДБ сравняется на уровне глаз с высотой буруна у форштевня.

Тем же самым, дублируя правильность глазомера лейтенанта, занят командир дивизиона.

Противник молчит. Караван в полном походном порядке следует прежним курсом. Фашистские наблюдатели бездействуют.

Местникову на мгновение чудится, что Гиршев застопорил моторы.

Он встревоженно всматривается... Нет, всё в порядке. Бурун соседнего катера держится на курсе фашистского СК.

— Молодцы! — облегченно выдыхает комдив, поняв, что Гиршев и Хабаров в точности выполняют маневр, стараясь привлечь к себе внимание противника и дать Умникову время разрядиться. — Два с половиной кабельтова, — определяет он расстояние до головной БДБ и, не утерпев, подсказывает в тот момент, когда рука Умникова ложится на кнопку выбрасывателя:

— Залп! Отворачивай вдоль каравана!..

Рубиновый огонек лампочки под кнопкой вспыхивает и гаснет, прикрытый ладонью.

Лейтенант не нажимает, а что есть сил вдавливают кнопку в гнездо. Тут же отпустив ее, он яростно вращает колесо штурвала: надо увести катер в сторону от курса, чтобы уступить дорогу торпедо.

Белой молнией промелькнув в ночи, она исчезает у борта головной БДБ.

Умников не видит ни разбега торпеды, ни того, что происходит спустя несколько секунд после залпа, когда огромный, чернее ночи, фонтан взрыва, подсвеченный изнутри пламенем, расплываясь, встает над морем перед глазами боцмана и комдива. Толчок взрывной волны, пронесшейся под водой, вынуждает покачнуться всех, кто находится в моторном отсеке и радиорубке, но лейтенант даже не ощущает его. Он ведет катер вдоль каравана и успевает разглядеть лишь корпус второй БДБ, заслонивший ее силуэт конвойного корабля, да сверлящее ночь светлое пятно торпеды, выпущенной концевым катером... Кажется, что именно в этот момент (хотя в действительности на расстоянии, уже недоступном для обстрела противником) командир дивизиона кладет горячую, тяжелую руку на плечо Умникову.

— Стоп моторы! — приказывает он.

— Промазал, да? — беспокоится лейтенант.

Комдив находит в темноте пальцы Умникова, крепко сжимает их:

— Поздравляю, командир! Можешь не сомневаться: еще полтыщи гитлеровцев на счет Севастополя записано твоей торпедой!

— А Латашинского?

— Сейчас узнаем. Вот они, друзья! — обрадованно восклицает комдив.

Из мрака, один за другим, вырываются три буруна и, опадая, открывают за собой знакомые силуэты.

Разом глохнут моторы, но тишина так и не наступает. Ночь неумолчно гремит выстрелами кораблей вражеского конвоя и раскатами канонады, охватывающими Севастополь от края до края, как гроза.

Двигаясь по инерции, три силуэта приближаются к борту головного катера.

— Умников! — задорно зовет Хабаров. — Поклон от «завоевателей мира»! Опустились благополучно!

Смех обегает катера и обрывается, едва звучит голос Латашинского. Досада и огорчение слышатся в нем. Окликнув комдива, Латашинский докладывает, что выпущенная им торпеда пронизала вторую БДБ, но не взорвалась. Вражеское судно уцелело и ушло вместе с охранением обратным курсом в Севастополь.

— Повторим, товарищ комдив? — предлагает Хабаров и признается: — Охота на Севастополь глянуть...

Командир дивизиона молчит, прислушиваясь к раскатам канонады, обдумывая целесообразность погони и возможность второй атаки. Забираться в самую бухту?.. Он уже рассмотрел в ночи то, чего еще не замечают другие: контуры остова Херсонесского собора. Идти дальше, значит, подставить катера под огонь береговых батарей противника... Так подса-

зывает разум, а сердце спорит с ним, не желает подчиняться ему, тянется к зовущим, огненным глазам Инкерманских створов, по которым всегда определялся комдив на протяжении двадцати лет, возвращаясь с моря в главную базу флота. Огни створов притягивают к себе световыми магнитами, влекут, манят, тревожат самыми дорогими воспоминаниями юности, молодости, зрелости...

— Наша задача, — наконец говорит Местников, — осуществлять блокаду подступов, не допускать, чтобы противник прорывался сквозь нее, топить его караваны в море, на выходе и на подходах... Что касается торпеды Латашинского, то хотя она не сработала, но свое дело сделала. Фашисты трусили и вернулись в бухту. В ней и подохнут!.. Теперь к делу... Разойтись в прежнем порядке на дистанцию слышимости и на переменных курсах просматривать море. Будем стеречь выход, пока не сменят летчики. Заводитесь!

Он опускается в радиорубку и пишет короткую шифровку для командира бригады. Как и накануне, в шифровке только три слова:

«Встретил, атаковал, утопил»...

...На рассвете, над легкой дымкой тумана, над морем и над катерами проплывает темнокрылый, с алыми звездами, самолет-разведчик дивизии Корзунова. Подтверждая, что заступает на вахту, он приветственно покачивает плоскостями и, набрав высоту, берет курс туда, где неумолчно гремит канонада, где клубятся над руинами разоренного врагами родного города тучи черного дыма.

Начинается очередной день битвы за Севастополь.